

мую власть ея надъ цѣлой природой, Золя говоритъ: „блѣдая кожа Альбины была той же бѣлизны, какую представляла смуглая кожа Сержа. Они медленно выступали, и, облитые лучами солнца, казались сами солнцемъ. Цвѣты, преклоняясь, боготворили ихъ“. И такая аллегорія занимаетъ собою нѣсколько сотъ страницъ, съ тщательнымъ соблюденіемъ точности, такъ что даже патеръ, изгоняющій ихъ изъ рая, носить имя „Archangias“.

У Золя, какъ поэта-натуралиста, поражаетъ, впрочемъ, не одна его слабость къ превращенію въ символы героевъ своего романа, хотя и въ этомъ онъ дошелъ до того, что его можно сравнивать съ Мильтономъ и Клопштокомъ. Онъ любитъ еще — и это самая оригинальная черта въ Золя — постоянно одухотворять неодушевленные предметы. Говоритъ ли онъ о землѣ, о постройкѣ, о фабрикѣ, о коммерческомъ предпріятіи, — онъ имъ придаетъ жизнь отдѣльныхъ людей, и тогда они играютъ у него ту роль, какую занимали боги въ древнихъ эпопеехъ. Такъ, самый центръ сада, въ романѣ аббата Мурэ, живетъ индивидуальной жизнью, какъ какое-то сверхъестественное существо, съ даромъ слова и чувства: „этотъ уголокъ природы скромно улыбался при видѣ Альбины и Сержа; тронутый ихъ любовью, онъ разстилалъ предъ ними свою самую мягкую траву, сдвигалъ кустарники, чтобы устроить имъ уединенныя тропинки. Если онъ еще не бросилъ ихъ въ объятія другъ къ другу, то только потому, что ему нравилось продолжить ихъ желанія“. Итакъ, этотъ садъ, это — богъ любви. Хотя онъ и находится на югѣ Франціи, — но это библейскій „парадизъ“; Золя самъ прямо называетъ его „восточнымъ“. „Его тѣнь была такова, что въ сравненіи съ нею тѣнь садовъ Европы казалась ничтожною. Благоуханіе восточной любви, благоуханіе устъ Сунамиты — разносилось изъ его пахучихъ лѣсовъ... Парадѣ былъ — весь прелесть“. Говоря о деревѣ, росшемъ по срединѣ сада, авторъ называетъ его потому истиннымъ „древомъ жизни“: „его сѣмя имѣло такую силу, что оно текло по его корѣ и дѣлало землю плодотворною“...

Роль сада въ романѣ: „la Faute de l'abbé Mouret“, въ другомъ романѣ: „la Fortune des Rougons“ — достается старому кладбищу, запущенному съ незапамятныхъ временъ: оно служитъ мѣстомъ свиданій двухъ влюбленныхъ дѣтей. Въ дѣйствительности, это мѣсто было, какъ и всякое другое подобное, — мѣстомъ запустѣнія; вездѣ валяется мусоръ, оно служитъ складомъ тѣса; для обыкновеннаго глаза тутъ нѣтъ ничего особеннаго. Но личная меланхолія у Золя и его неутолимая жажда „продуктивности“